

Л.Ю. Астахина
Институт русского языка РАН, Москва

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ПРИ УСТРАНЕНИИ ПСЕВДОГАПАКСОВ

В статье говорится о возвращении в русский язык слов из хорошо известных публикаций, которые были выявлены при сверке текстов изданий с рукописями.

Русский язык, публикация, псевдогапакс, рукопись, примечание.

В «Материалах для древнерусского словаря» И.И. Срезневского приведено слово **гаснь** – «гаснь (от гадати): Елико при гаснехъ родъ исполинский. Гр. Наз. XIV в.» [7, т. 1, с. 510].

В статье «К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет)», опубликованной в журнале *Palaeoslavica* [8], известный исследователь А.Б. Страхов пишет: «В *Слове о нищелюбии (De pauperum amore)* Григория Назианзина, из перевода которого взят этот фрагмент, сказано следующее: *περ ἦν τι τὸ παλαιὸν, ὅσον ἐπὶ τοῖς μύθοις, γένος γυγάντων καὶ τῶν λοιπῶν ἀνθρώπων*. *Patrologia graeca* 35, р. 888, ln. 40. В *Трудах св. отцев* в переводе Епифания Славинецкого (Московский печатный двор, 1655 г., л. 78, 2-ая фол.) интересующее нас место переведено правильно: И якоже бѣ что древнее, елико при баснехъ, родъ Исполиновъ, и прочихъ Человѣкъ. Впрочем, *ἐπὶ τοῖς μύθοις*, как можно догадываться, и в переводе XIV в., которым пользовался Срезневский, тоже было переведено правильно: при Баснехъ, но, видимо, нижняя петелька буквы Б осыпалась, и Срезневский поэтому принял Б за букву Г <...>. Псевдо-гапакс **гаснь** не попал ни в *Древнерусский Словарь XI–XIV вв.*, ни в *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, зато чтение и этимология Срезневского были приняты составителями ЭССЯ (6: 105), которые на основе этого единственного примера (!) постулировали существование праслав. *gasнь < *gad-sнь (с вопросом к словообразованию). Увлечение лингвистов однократно фиксируемыми формами известно, и доверие к ним достойно решительного осуждения. На гапаксах (самого сомнительного свойства) в славистике и русистике зиждятся целые теории» [8, с. 210].

А.Б. Страховым употреблен термин **псевдогапакс** для обозначения несуществующего слова. Он оказался уместным для именованной группы слов (составляющей в настоящее время уже более тысячи), которых никогда не было в русском языке. Наука точно установила, что такие слова, зафиксированные редко в рукописях, чаще в публикациях и словарях, появились вследствие субъективного фактора – влияния человека, который первым читал рукопись, описывая ее при составлении каталога или подготавливая к изданию.

О процессе первоначальной работы с рукописью свидетельствуют строки из письма А.И. Соболевского, посланного из Киева 2 марта 1884 г. заведующему Отделением русского языка и словесности Академии наук акад. А.А. Шахматову: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т. е. опускает титла и надстрочные буквы <выносные> пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» [СПб. Отделение Архива РАН, ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 1]. По-видимому, А.И. Соболевский проверил, что же выходит из-под пера человека («переписчика»), который первым прикасается к рукописи, готовя ее к изданию. Его слова «не особенно точно» объясняют причины того, что в настоящее время, работая с текстами публикаций, ученые нередко сталкиваются со словами, ошибочно переданными при издании рукописи, т. е. неверно прочитанными теми, кто копировал рукопись для издания.

Введенный А.Б. Страховым термин **псевдогапакс** закрепился для обозначения несуществующих слов. Значение его ясно из составных частей: **гапакс** греч. *ἅπαξ* – ‘один раз, однажды’, **псевдо** – препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’, активно участвующая в настоящее время в формировании научной терминологии русского языка. Современная лингвистика указывает на продуктивность компонента сложных слов **псевдо**- в составе русских терминологических систем. Проф. И.Г. Кудрявцева на основе наблюдений над материалом, отраженным в лексикографических источниках, делает вывод, что «изменение статуса **псевдо**- на протяжении его эволюции в русском языке (от связанного компонента в составе сложных заимствованных слов до самостоятельной словообразовательной единицы) связано с возрастанием его сочетаемости, его продуктивности и регулярности, а также с увеличивающимся числом его модальных значений» (*псевдоним, псевдоартроз, псевдоморфозы, псевдореминисценция* и др.) [3, с. 106].

Акад. Н.К. Никольский в 1906 г. в книге «Материалы для повременного списка русских писателей и

их сочинений (X–XI вв.)», посвященной исследованию наличия в российских хранилищах произведений древнерусской литературы, писал о том, что большинство русских сочинений анонимно или подписано именами греческих авторов (так называемые псевдоэпиграфы), хотя явно принадлежат русским писателям, время жизни которых остается неизвестным. Как видим, в начале XX века был известен термин *псевдоэпиграф* – с приставкой *псевдо*.

Среди исследователей русской лексики существует убеждение, что новые, не известные науке слова можно отыскать в еще неизученных источниках, в частности в рукописях. Справедливость этого тезиса несомненна, но иногда стоит пристальнее присмотреться к источникам известным, чтобы выявилось новое слово.

Если исследователь (историк-лексикограф, лингвист-источниковед) остановил внимание на отрезке текста или слове, которое показалось ему невероятным, то он обязан провести определенную поисковую работу, в результате которой выявится (или не выявится) псевдогапакс. Каждый псевдогапакс имеет свою историю: момент первоначального сомнения (было ли слово?), догадка, поиск в источниках и, образно говоря, – в недрах знаний и памяти носителей современного языка. Это своего рода поиск и открытие неведомого.

Авторы Словаря русского языка XI–XVII вв. такие слова не включают в корпус Словаря, а помещают с цитатами в Предисловии к соответствующему выпуску. Иногда при работе с сомнительными отрезками текстов приходится говорить не только о потере слов, но и приобретениях, появившихся в результате преодоления псевдогапаксов.

Капитальный трехтомный труд А.И. Успенского, описавшего столбцы начала XVII в. фонда Оружейной палаты, был закончен в 1912 году. Обращение к этому описанию столбцов, являющихся источниками для СлРЯ XI–XVII вв., позволило вернуть в состав русского языка одно слово.

Описывая столбец под номером 35, А.И. Успенский сообщает, что царь Михаил Федорович, вступив на престол, уже в 1614 году просит «прислать на струги» из Твери [9, т. 1, с. 11]. Ясно, речь идет о доставке речным транспортом, но о доставке чего? Опись не дает ответа на этот вопрос. Обращение к рукописи показало, что в самом тексте столбца ни о какой лодке («струге») упоминания нет. В царской грамоте нет указания на способ доставки. В ней говорится о другом. Словами своих чиновников царь беспокоится о *посошном деле*. Но так как *посошного дела* могли касаться вопросы, связанные с земледелием, в грамоте это выражение заменяется конкретным словом: *к посохам*. Посохов не было в царском хозяйстве из-за делящейся более десятилетия смуты. Царь приказывает тверскому воеводе: «Для нашего дѣла к посохом [слово написано над зачеркнутым: посошного дѣла] взяти во Твери в рядѣх у посацких людей и у токарей пятъ гривенок *настругу* лутчие, чтоб к нѣму дѣлу к посохом пригодилася». А далее напоминает: «И вы к нам тое *настругу* по ся мѣста февраля по ДД число не присылавали... [и чтобы] изготовя ту *настругу*, прислали к нам к Москве вскоре и велѣли отдать в

Серебряном приказе кравчему нѣму... а с кѣмъ тое *настругу* к нам к Москве пошлете и в котором числѣ, и вы б о том отписали к нам к Москве... чтоб нам про тое *настругу* было вѣдомо» [РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 1, № 35. 1614 г.].

Что же такое *наструга*, измерявшаяся в гривенках? Словари этого слова не зафиксировали, толкование можно взять только из представленного контекста, ибо в сотне просмотренных нами далее грамот фонда Оружейной палаты слово больше не встретилось. Видимо, царский приказ был оперативно исполнен, и речи о *наструге* больше не возникало.

Внутренняя форма слова *наструга* указывает на то, что ее готовили токари из стволов деревьев путем остругивания, строгания для придания необходимой формы. Возможно, это было несколько одинаковых предметов, пригодных для изготовления посохов из обструганных заготовок, так как *пять гривенок наструги* составляло по весу больше двух килограммов.

В «Объяснительном словаре старинных русских мер» Г.Я. Романова пишет: «Гривенка – мера веса (в XVI–XVII вв. равнялась фунту или 96 золотникам, ок. 409 г.)... Гривенка большая и малая – меры веса, равные соответственно 96 и 48 золотникам» [6, с. 98]. Далее читаем: «В словообразовательном отношении *гривенка* является уменьш. формой от слова *гривна*. В отличие от слова *гривна*, которое употреблялось в нескольких значениях («украшение или знак отличия, которое носилось на шее», «мера веса», «счетно-денежная единица»), производное от него *гривенка* специализировалось только как обозначение меры веса. Первоначальное соотношение и весовое содержание древней *гривны* и *гривенки* неизвестно. Предполагается, что *гривенка* была равна полугривне, но в памятниках письменности такое их соотношение не показано. *Гривна* и *гривенка* были русским названием веса, по-разному в разное время соотносимого с византийско-римской литрой (327 г.) или западноевропейским фунтом (409 г.), ставшим основой многих западноевропейских весовых систем... Со временем *гривна* как обозначение денежно-весовой единицы выходит из употребления, а *гривенка* в двух разновидностях большая (409 г.) и малая (204,5 г.) входит в официальную систему весовых единиц Русского государства и только к XVIII в. вытесняется заимствованным с Запада термином *фунт*» (Там же, 99).

Слово *наструга* встречается в грамоте неоднократно в родительном и винительном падежах, так что начальную форму восстановить легко.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «*Наструг*, м. – общее название снарядов различного вида, для строганья: широкая стамеска (железко), вставленная в колодку наискось и прижатая клином» [11, т. II, с. 476]. Слова *наструга* (женского рода) в Словаре В.И. Даля нет. В «Словаре русских народных говоров» словом *наструга*, зафиксированным в 1855 г., обозначена «тягота».

Таким образом, если бы А.И. Успенский не взял в кавычки отдельное написание «прислать на струги» и внимательнее отнесся к содержанию текста грамоты, в Словарь русского языка XI–XVII вв. успело бы попасть это слово, но историки, к сожалению, не

всегда всматривались в особенности древнего языка, разделяя на слова сплошной рукописный текст.

Еще одно новое слово (даже два!) удалось выявить, анализируя ремарку автора к изданному тексту. Для авторов исторического словаря важными являются примечания, в которых издатели-историки отражают свои сомнения относительно чтения тех или иных мест в публикуемых текстах и указывают их точное местонахождение. Так, в книге Л.М. Марасиновой «Новые псковские грамоты XIV–XV веков» есть подстрочное примечание к слову **сзарывати**: «Вторая буква написана нечетко, возможно **сдарывати**, возможно, слово искажено» [4, с. 68]. При знакомстве с рукописью оказалось, что на этом месте написано **сзарывати** в следующем контексте: «А в тых полосах не сзарывати меж никому **ж**» [РГАДА, ф. 1209 Поместный приказ. Столбцы по Пскову, № 43259, ч. 3, № 8, (дело 1), л. 35]. Буква **ъ** была принята публикатором за **з** или **д**. Выявление ошибки оказалось возможным благодаря точному указанию издателя на «адрес» рукописного текста, а также его примечанию-сомнению, имеющему лингвистико-коведческий характер. При обращении к рукописи выяснилось, что нечеткость в написании второй буквы мнимая: после **с** ясно читается **ъ**. В букве **ы** в этом слове виден аналогичный начерк первого элемента, то есть **ъ**, как и после **с**.

В русском языке существовал глагол **арывати** – многократное от **орати**, зафиксированный в акте 1597 г. на землю Константино-Еленинского монастыря Владимирского уезда: «Те крестьяне старожил<ъ>цы сказали, что они в селце Суроломне [со] своими отцы живали, и на той земле у отцов у своих поганяли, и сами **арывали** [т. е. ‘пахивали’], и межи валовые пашенные земли, и лугов, и пожен, и в лесех и во всяких угодах помнят и знают» [1, с. 65]. С приставкой **с** образовался глагол **сзарывати**, означающий ‘нарушать межи, перепахивать межи, уничтожая их’. В СлРЯ XI–XVII вв. глагол **арывати** не нашел отражения, видимо, потому, что источник попал к авторам позже выхода 1-го тома Словаря (1975 г.) и не был расписан для Картотеки ДРС.

Отметим случай, когда семантически емкое слово исчезло, а благодаря сомнению лексикографа А.Н. Шаламовой, которая настояла на проверке по рукописи, удалось его вернуть в русский язык.

В «Отписке терского воеводы А.И. Хворостинина в Посольский приказ о смерти кабардинского князя Камбулата Изарова и о борьбе между мурзами за княжение» от 3 июня 1589 г. читаем: «Смута была великая врось княжья, а на княжение еще не посади-

ли» [2, с. 56]. Врось княжья – невероятное, странное словосочетание.

В РГАДА из Посольского приказа был выделен фонд № 115 «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.». Из него и взята опубликованная отписка, в рукописном подлиннике которого удалось прочитать: «Смута была великая в роскняже, а на княже еще не посадили» [Ф. 115, дело № 3, л. 7 об.]. Выносное **ж** и окончание **е**, ясно читающиеся в рукописи, подсказывают, что деление на слова должно быть иное, чем у издателей. Без сверки с рукописью утрачено было бы редкое слово **роскняжье**. Вариант **раскняжье** приведен в СлРЯ XI–XVII вв. с толкованием ‘Период между двумя княжениями, когда престол не занят’ и с цитатой из названной публикации с ремаркой об ином разделении на слова согласно рукописи [Вып. 22, с. 11].

Таким образом, новые, не известные русскому языку слова могут скрываться и в источниках, казалось бы, хорошо изученных.

Литература

1. Акты феодального землевладения и хозяйства. – Москва, 1961. – Т. III.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. – Москва, 1957. – Т. I.
3. Кудрявцева, И. Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации (на материале препозитивного компонента *псевдо-* / И. Г. Кудрявцева // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии : Материалы Всероссийской Академической школы-семинара под редакцией С. С. Волкова (ответственный за выпуск С. А. Эзериня). – Санкт-Петербург, 2005. – С. 103–112.
4. Марасинова, Л. М. Новые псковские грамоты XIV–XV веков / Л. М. Марасинова. – Москва, 1966. – 211 с.
5. Никольский, Н. К. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X–XI вв.) / Н. К. Никольский. – Москва, 1906.
6. Романова, Г. Я. Объяснительный словарь старинных русских мер / Г. Я. Романова. – Москва : Университет Дмитрия Пожарского, 2017.
7. Срезневский, И. И. Материалы для древнерусского словаря по памятникам письменности / И. И. Срезневский. – Москва, 1989. – Т. I–III.
8. Страхов, А. Б. К древнерусской текстологии (замечания и поправки к изданиям разных лет) / А. Б. Страхов // *Palaeoslavica*. – 2003. – № XI. – Р. 199–213.
9. Успенский, А. И. Столбцы бывшего Архива Оружейной палаты / А. И. Успенский. – Москва, 1912. – Т. I–III.
10. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / под редакцией О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. – Москва : Наука, 1974–2019. – Вып. 1–42.
11. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва: Русский язык. – 1989–1991. – Т. I–IV.

L.Yu. Astakhina

VOCABULARY FINDINGS IN THE HISTORY OF RUSSIAN WITH ELIMINATION OF PSEUDO-HAPAXES

It says in the article that some Russian words found in the texts of various manuscripts and their printed editions return to the language.

Russian, publication, manuscript, pseudo-hapax, notes.